

В. И. Шишкин**Установление власти Советов в Сибири (конец октября 1917 — май 1918 г.)**

В статье анализируются вопросы, ответы на которые позволяют составить объективную картину установления власти Советов в Сибири после Октябрьского переворота в Петрограде. Большевики и их сторонники в Сибири стремились форсировать установление власти Советов. Такая поспешность объяснялась заразительностью примера столичных товарищей, желанием оказать им поддержку, жадой приобретения личной и групповой власти, уверенностью в собственных способностях решить насущные проблемы. Местные радикалы использовали разнообразную тактику и широкий арсенал практик, которые детерминировались объективными условиями и определялись нравственным уровнем действовавших политических акторов. Они широко применяли вооруженную силу, осуществляли единичные и массовые акты насилия, создавали чрезвычайные органы власти, вводили военное положение, лгали и распространяли недостоверную информацию. Большевики и их союзники сначала провозглашали установление власти Советов, а реально управление в свои руки брали намного позже. Этому препятствовали сопротивление служащих и отсутствие собственных специалистов, способных занять должности. В результате к лету 1918 г. Советы относительно надежно утвердились только в городах, тогда как в сельской местности этот процесс был далек от завершения.

Ключевые слова: Сибирь, власть, Советы, исполкомы, большевики, политические радикалы, умеренные социалисты, городские думы, земства.

Введение

После свержения царского режима создание Советов разного типа и уровня стало одним из существенных трендов и результатов углубления и расширения революционного движения в России. С лета 1917 г. выдвинутый большевиками лозунг «Вся власть Советам!» являлся главным инструментом, с помощью которого они разгоняли «локомотив революции». После осуществления Октябрьского вооруженного переворота в Петрограде установление власти Советов на местах на несколько месяцев превратилось в решающее направление развития революционного процесса и стало главным смыслом и содержанием формирования системы диктатуры пролетариата. Поэтому исследование того, как Советы превращались в органы государственной власти не только в центре, но и на местах, объективно должно было стать главным направлением изучения этапа российской революции, начало которому положил Октябрьский переворот.

Тем не менее такого не произошло. В течение первых четырех десятилетий правления большевиков вопрос о конституировании Советов в качестве органов новой государственности не относился в российской историографии к числу актуальных и находился на исследовательской периферии.

Ситуация стала постепенно меняться только в конце 1950-х годов, когда появились первые специальные монографии по этой проблеме, написанные в общероссийском масштабе [10; 56]. В дальнейшем вопрос о формировании советской государственной системы актуализировался и на протяжении почти четверти века, вплоть до «перестройки», находился в ряду приоритетных. Это не замедлило отразиться на росте количества и повышении качества новых монографий [18; 19; 43; 77; 94 и мн. др.]. В них установление власти Советов в России в конце 1917 — начале 1918 г. трактовалось в русле утверждения В. И. Ленина о «триумфальном шествии большевизма». Два наиболее существенных недостатка этой концепции, ставивших под сомнение ее объективность и научную достоверность, заключались в отождествлении провозглашения власти Советов с ее ре-

© Шишкин В. И., 2022

альным установлением, во-первых, и в непонимании различия между властью Советов и Советской властью, во-вторых.

Несколько особняком в контексте общероссийской советской историографии выглядит ее сибирский сегмент. Если проанализировать перечень имеющихся по рассматриваемой проблеме публикаций, изданных советскими исследователями¹, то складывается впечатление, что советизация Сибири изучалась относительно активно уже с начала 1920-х годов, и эта специфика сохранялась несколько десятилетий.

В то же время отметим, что вопрос об установлении власти Советов в Сибири рассматривался в основном попутно и главным образом в публикациях, посвященных деятельности партии большевиков накануне и в период Октября 1917 г.², созданию и функционированию советской системы³, а также истории Октябрьской революции⁴. Концептуально авторы указанных монографий писали в рамках уже называвшейся ленинской парадигмы «триумфального шествия большевизма». Соответственно установление власти Советов все они, за исключением В. Т. Агалакова, датировали концом зимы — началом весны 1918 г. и не изучали советское строительство за пределами этих хронологических рамок. Иначе говоря, они не знали, что же реально происходило в данной сфере жизнедеятельности. Не случайно, например, время установления Советской власти в сибирской деревне на разных страницах монографии «Победа Великого Октября в Сибири» определялось разными сроками, довольно далеко отстоявшимися друг от друга [70, с. 177, 268—269].

Новый этап в развитии отечественной историографии начался после крушения коммунистического режима. Первая его фаза, пришедшаяся на 1990-е годы, ознаменовалась выходом в свет нескольких серьезных научных монографий [11; 53; 55; 68; 107]. В них вопрос о советизации России после Октябрьского переворота нашел освещение походя. Но благодаря новым методологическим подходам и введенному в научный оборот расширенному кругу источников было положено начало более адекватным представлениям о том, что представляли из себя Советы к октябрю 1917 г., как и какую власть на деле они установили на местах после Октябрьского переворота.

Прямо противоположная тенденция — снижение интереса и уменьшение количества публикаций об установлении власти Советов — наблюдается в последующие два десятилетия. Можно назвать от силы четыре-пять монографических изданий, в которых этот вопрос рассматривался как проходной, промежуточный или результирующий итоги предшествующего развития, причем в довольно широком хронологическом и проблемном контексте [2; 44; 79; 80], и только одну, в которой установлению власти Советов уделено должное внимание [111].

В Сибири возрождение интереса к проблематике истории революций 1917 г. началось после почти десятилетнего перерыва, пришедшегося на 1990-е годы. В течение двух последующих десятилетий вышло в свет десять (с учетом одного переиздания) монографий, которые условно можно было бы признать посвященными революционным событиям 1917—1918 гг. Пять из них были опубликованы в 2000-е годы [27; 46; 102; 105; 106] и столько же — в 2010-е [25; 45; 47; 57; 101]. Но во всех этих книгах вопрос о Советах занимал отнюдь не центральное, а, скорее, периферийное место. Ему в лучшем случае были отведены один-два параграфа. Такое распределение объема текста, конечно, по меньшей мере, странно, так как авторы этих публикаций наверняка знали, что главным вопросом любой революции является вопрос о власти.

¹ Перечень соответствующих публикаций имеется в ряде библиографических указателей [4; 67; 92; 100].

² В данном случае прежде всего необходимо назвать монографии Б. Б. Батуева [3], В. П. Сафронова [81] и М. М. Шорникова [110].

³ Наиболее крупная монография принадлежит В. Т. Агалакову [1].

⁴ Последняя по времени издания коллективная обобщающая монография: [69; 70].

К тому же большинство книг, кроме написанных В. А. Дробченко и А. А. Кононенко, было основано на ограниченной источниковой базе и в узких территориальных рамках, в границах той или иной губернии. Последнее обстоятельство лишало авторов возможности использовать для анализа фактического материала столь необходимый при изучении политических событий компаративистский подход. В концептуальном отношении часть авторов не выходила за пределы советской историографии, а заимствовала у советских историков введенный ими фактический материал и выводы. Не будет большим преувеличением утверждать, что более или менее полная и адекватная картина борьбы большевиков и их союзников за установление власти Советов в масштабах Сибири к настоящему времени отсутствует. Частично восполнить выявленный пробел — так коротко и в первом приближении можно сформулировать цель настоящей статьи.

Для ее достижения ставятся задачи проанализировать тактику революционных радикалов, формы и методы деятельности, которые они применяли в борьбе за установление власти Советов в Сибири против своих политических противников. Совершенно естественно, что главное внимание будет уделено событиям в тех губернских и уездных городах, являвшихся центрами локальной власти, в которых эта борьба имела наиболее острый или затяжной характер.

Территориальные рамки исследования общеприняты для эпохи революции. Это Сибирь, включавшая в себя все административно-территориальные образования, находившиеся между Тобольской губернией на западе и Забайкальской областью на востоке Азиатской России. Хронологические рамки относительно узкие, что вполне естественно для публикации о революционном времени, плотно насыщенном действующими лицами и событиями. Нижняя граница — конец октября 1917 г., верхняя — май 1918 г. Первая граница обусловлена началом советизации Сибири, инициированной получением сведений о государственном перевороте в Петрограде, верхняя — началом широкомасштабной гражданской войны на востоке России.

Источниковая база статьи весьма широкая и разнообразная. Она включает весь имеющийся и доступный комплекс источников: документальные и мемуарные публикации, газеты и журналы различных политических партий и общественных организаций, архивные материалы. В силу специфики исследуемой проблемы и состояния корпуса источников базовым источником стали газеты. Предпочтение газетам отдавалось по нескольким причинам: количество их наименований составляет несколько десятков; объем информации о местных общественно-политических событиях превышает количество сведений, имеющихся в других сохранившихся источниках; у них разная политическая направленность; большинство газетных сведений относительно легко верифицируется. Серьезный недостаток газет как исторического источника для изучения советизации Сибири состоит в неполноте их комплектов, плохой сохранности и состоянии, затрудняющем чтение текстов.

Для решения поставленных задач автор использовал широкий набор как традиционных, так и относительно современных методов, которые, с одной стороны, задавались предметом исследования и состоянием источниковой базы, с другой — предлагают новая политическая история и политическая антропология. Особое внимание уделялось выявлению в политических практиках акторов революционного процесса неинституционализированных и ситуативных форм деятельности, объяснению причин, масштабов и результатов их применения.

Результаты исследования

25 октября 1917 г. большевики при содействии «левых» эсеров и анархистов осуществили вооруженное восстание в Петрограде, в ходе которого свергли Временное прави-

тельство. Свою вооруженную победу большевики и их сторонники закрепили на состоявшемся 25—26 октября втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд сформировал новые верховные органы власти. Он избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов нового, второго состава, в который вошли в основном большевики и «левые» эсеры, и создал большевистское по составу Временное рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным. 26 октября по докладу В. И. Ленина съезд принял декреты о мире и о земле, в которых объявил о прекращении войны со стороны России и о передаче крестьянам помещичьих и других частновладельческих земель.

Однако о том, что происходило в Петрограде, большинство жителей России в течение нескольких дней имело довольно смутное представление. По одной версии это произошло потому, что министр юстиции Временного правительства П. Н. Малянтович распорядился задерживать все призывы к восстанию и сведения о нем, а почтово-телеграфные служащие неукоснительно выполняли это предписание, по другой — 25 октября вооруженный отряд во главе с комиссаром Петроградского военно-революционного комитета занял Петроградское телеграфное агентство и лишил его возможности передавать агентские телеграммы [85]. В результате Сибирь не имела устойчивой телеграфной связи с Европейской Россией до 31 октября.

Для сибиряков наиболее надежным источником информации все это время оставались телеграммы Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожников (Викжеля), редкие сообщения ВЦИК Советов первого созыва и Временного правительства, которые поступали на имя губернских комиссаров и руководства некоторых Совдепов, а также случайные сведения из других источников, не отличавшиеся полнотой и достоверностью. «Неопределенные сведения и неопределенные слухи...», — так охарактеризовала состояние информационного поля тех дней одна из авторитетных местных газет [65].

Из потока разрозненных и противоречивых сообщений можно было понять, что в Петрограде большевики подняли вооруженное восстание, но их противники оказывают сопротивление. Исход же борьбы в столице оставался неясным, а спрогнозировать его было невозможно, поскольку руководство социалистических партий и Советов крестьянских депутатов к установлению власти Советов относилось отрицательно и настаивало на необходимости создания однородного социалистического правительства (см., напр.: [12; 13; 74; 75; 82; 84; 86; 87; 88; 90; 91]).

Местные газеты публиковали отрывочные сведения о происшедшем в Петрограде и строили разные предположения о дальнейшем развитии событий. В конце октября — начале ноября вопрос об отношении к восстанию большевиков и о взятии Советами государственной власти в свои руки стал главным пунктом повестки дня заседаний большинства Совдепов, городских дум, губернских и уездных земских управ, многих партийно-политических и общественных организаций. Если победу Февральской революции общественность Сибири встретила однозначно положительно и даже восторженно, то на первые сообщения о восстании большевиков и взятии власти Советами она отреагировала по-разному.

Резко отрицательно оценили такое поведение петроградских большевиков и их союзников ценовые круги и кадеты Сибири, называя его антиправительственным мятежом и преступлением против российского государства и революции. Они выступали за поддержку Временного правительства и требовали ликвидации большевистской авантюры [83].

Противоречивые, иногда даже диаметрально противоположные мнения высказывались в среде так называемой «революционной демократии», состоявшей из разных групп социал-демократов, эсеров и энесов. «Правые» и значительная часть социалистов «центра» также негативно отреагировали на восстание в Петрограде. Иногда они прямо называли происшедшие события контрреволюцией или провидчески указывали на то, что в действительности требование передачи власти Советам означает ее переход в руки большевиков [84]. Эти социалисты солидаризировались с Временным правительством и связывали перспективы наведения порядка в России с избранием и созывом Всероссийского Учредительного собрания.

Как следствие такой позиции с осуждением большевиков и в поддержку Временного правительства выступили возглавляемые «правыми» эсерами и меньшевиками Советы крестьянских депутатов, Советы военных (солдатских) депутатов, Советы офицерских депутатов, Советы рабочих и солдатских депутатов, почти все городские думы, часть профсоюзов, а также подавляющее большинство национальных и других общественных организаций либерально-демократической ориентации. Актом «величайшего безумия и измены стране, свободе и народу» назвала восстание большевиков Омская городская дума, в которой большинство принадлежало «правым» и умеренным социалистам [64].

Значительная часть умеренных социалистов квалифицировала действия большевиков как раскол революционно-демократических и социалистических рядов, угрозу срыва выборов во Всероссийское Учредительное собрание и развязывание гражданской войны. «Если большевики верят в правду и силу своих идей, если за ними, а не за другими стоит большинство русской демократии, то зачем им было нужно захватить насильственно власть теперь же[?]» [13], — справедливо спрашивала газета эсеров Красноярска. В то же время умеренные социалисты обходили молчанием вопрос о поддержке Временного правительства, предлагали сформировать однородное социалистическое правительство и возлагали надежды на решение всех проблем Всероссийским Учредительным собранием.

Лишь революционные радикалы Сибири — большевики, «левые» эсеры, анархисты и часть меньшевиков-интернационалистов — заявили о поддержке петроградского восстания и обоснованности взятия власти вторым Всероссийским съездом Советов. На состоявшемся поздно вечером 25 октября в Омске экстренном заседании представителей органов революционной демократии (исполкомов всех местных Советов и представителей городского самоуправления) большевики приветствовали выступление рабочих и солдат столицы, предложили «укрепиться на местах и оказать поддержку Петрограду» [66, с. 43]. Им вторил лидер местных меньшевиков-интернационалистов К. А. Попов, безоговорочно высказавшийся «за поддержку повстанцев» [63]. На состоявшемся 27 октября пленарном заседании Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов его председатель большевик А. И. Окулов и возглавлявший солдатскую секцию Совета «левый» эсер С. Г. Лазо призвали содействовать Петроградскому Совдепу [52, с. 230—231].

Но никаких серьезных практических действий по взятию власти местные большевики и их сторонники даже в Иркутске, Красноярске, Омске и Томске, где их влияние было наиболее значительным, сначала не только не предпринимали, но и даже не намечали, ограничившись словесными декларациями. Например, утром 27 октября по распоряжению Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии, который возглавлял К. А. Попов, на улицах были расклеены воззвания с предложением только объединяться вокруг Советов для поддержки повстанцев, поскольку они борются за «создание нераздельной власти революционной рабочей и крестьянской демократии».

Комитет призвал трудящихся не делать никаких выступлений без указаний Советов и их исполкомов [62, с. 41—42; 63].

Заслушав вопрос о необходимости принятия срочных мер в связи с известиями «о победе пролетарской революции в Петрограде», несколько «дальше» пошло состоявшееся 27 октября экстренное заседание губисполкома Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно решило установить контроль на телеграфе, выпустить от имени губисполкома воззвание «о сущности текущих событий», создать «военный командштаб», увеличить численность Красной гвардии и затребовать для нее у начальника гарнизона 700 винтовок и 21 тыс. патронов [30, с. 201—202].

28—29 октября представители всех полков и батарей Иркутского гарнизона приняли резолюцию о передаче власти Советам. Однако 30 октября на новом собрании частей гарнизона Иркутский комитет РСДРП(б) и его военная секция внесли предложение, призывавшее только сохранять «революционную дисциплину и спокойствие» [85].

Причины такой осторожности и даже пассивности были вполне понятны. Они объяснялись доходившими из Петрограда сведениями и слухами о восстании в столице юнкеров и наступлении на Петроград казачьих частей под командованием генерала П. Н. Краснова и А. Ф. Керенского, о расколе в большевистских и советских верхах, о переговорах между частью большевиков и Викжелем о новом составе советского правительства. Все это свидетельствовало о крайней неустойчивости новой власти в Петрограде и остужало горячие головы. Кроме того, смена государственной власти в центре и на местах грозила возникновением гражданской войны, отсрочкой и даже срывом выборов во Всероссийское Учредительное собрание.

В создавшейся обстановке даже самые решительные революционеры понимали, что одно дело — призывать в речах и в резолюциях к установлению власти Советов и совсем другое дело — осуществить захват власти на практике, особенно при отсутствии квалифицированных кадров управленцев, соответствующего опыта, элементарного понимания того, с чего начать, что и как делать после взятия власти.

Политическую обстановку в Сибири во многом определяла ситуация в городах, являвшихся административными центрами губерний, областей и уездов. Первыми на новые революционные импульсы, шедшие из Петрограда, отреагировали и перешли от слов к делу большевики и «левые» эсеры Енисейской губернии. Пример показали большевики Канска. Они имели в уезде особенно сильные позиции. Здесь существовала уникальная ситуация: уездным комиссаром Временного правительства являлся член РСДРП(б) Н. И. Коростелев. Как только 27 октября канские большевики получили первые сведения о вооруженном восстании в Петрограде, они провели заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После жарких споров на нем 110 голосами против 16 была принята резолюция, требовавшая передачи власти Советам [104, с. 235].

Вслед за канцами немедленно активизировались большевики и «левые» эсеры Красноярска, являвшегося центром Енисейской губернии, которые доминировали в Совете рабочих и солдатских депутатов и в городской думе. Поздно вечером 28 октября исполком Красноярского Совдепа организовал расширенное заседание с приглашением представителей Красноярского участкового комитета профсоюза Томской железной дороги, штаба Красной гвардии и Центрального бюро совета профсоюзов, специально посвященное вопросу об организации революционной власти в Красноярске. Оно длилось около шести часов и было исключительно бурным. Подавляющим большинством голосов большевиков, «левых» эсеров и анархистов (21 — за, двое против и один воздержался) было принято принципиальное решение: «Для активной поддержки Петроградского Со-

вета рабочих и солдатских депутатов необходимо принять самые энергичные меры к осуществлению реальной революционной власти на месте» [53, с. 233].

Намного сложнее оказалось определить первоочередные конкретные меры по захвату власти. Единство мнений у участников заседания отсутствовало, поскольку, по свидетельству одного из них, в головах «у всех была муть от неизвестности». В конечном счете постановили организовать аппарат управления войсками, установить контроль за телеграфом, не допускать совещаний у губернского комиссара Временного правительства В. М. Крутовского, занять военными караулами банки и места расположения общественных организаций [53, с. 233]. Главную роль в решении последней задачи исполком возложил на руководство солдатской секции Красноярского Совдепа в составе С. Г. Лазо, А. А. Позднякова и М. И. Соловьева.

Названная «тройка» приняла решение использовать с этой целью состоявшую из бывших фронтовиков и наиболее революционно настроенную 10-ю роту 15-го Сибирского стрелкового запасного полка. Ранним воскресным утром 29 октября, когда горожане еще спали, С. Г. Лазо и его товарищи подняли роту «в ружье», выдали солдатам патроны, объяснили задачу, произвели развод и установку караулов в губернском управлении, в казначействе, в государственном банке и государственной типографии [71].

В тот же день от имени Объединенного губернского исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, хотя губисполком Совета крестьянских депутатов в принятии этого решения не участвовал и сразу же от него отмежевался, было выпущено обращение к гражданам Енисейской губернии. В нем сообщалось об отстранении губернского комиссара от должности и переходе всей высшей власти в губернии к Совдепу [48].

В Ачинске местный исполком Совета рабочих и солдатских депутатов, возглавлявшийся большевиком П. О. Саросеком, для обсуждения вопроса о власти созвал 31 октября заседание Совета, специально сформированного для такого случая по расширенной норме представительства: один депутат от каждых десяти рабочих и солдат. Это заседание приняло решение передать всю власть в Ачинске и в уезде Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [102, с. 236—237].

В Минусинске руководимый большевиками Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал вопрос о власти на своих экстренных закрытых заседаниях 27 и 30 октября. 31 октября Совет 25 голосами «за» при шести «против» и семи «воздержавшихся» принял резолюцию, в которой говорилось: «Объявить особым воззванием к населению Минусинского края, что вся власть в городе и уезде перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов...» [9, с. 58—65].

17 ноября вопрос «О власти Совета» рассмотрело пленарное заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Енисейска. По докладу председателя исполнительного комитета большевика А. Перенсона Совет принял резолюцию, в которой заявил, что единственный вариант недопущения братоубийственной гражданской войны он видит в создании центральной власти из представителей революционно-демократических партий, входящих во Всероссийский центральный исполнительный комитет, образованный на втором съезде Советов рабочих и солдатских депутатов с участием представителей крестьян. Затем участники заседания почти единогласно приняли декларацию, специально подготовленную президиумом исполкома, состоявшим из большевиков. В ней население Енисейска и уезда информировалось о том, что «вся полнота власти в уезде отныне переходит в руки Совета и его исполнительного комитета» [76].

Важное значение в политической жизни Западной Сибири имел Омск. В нем наряду с Акмолинским областным комиссаром и комиссаром Степного генерал-губернатор-

ства Временного правительства, которые совмещал эсер А. Е. Новоселов, находились несколько революционных органов, игравших в то время главную роль во всех местных событиях: Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии, Западно-Сибирский исполком Советов рабочих и солдатских депутатов, Военно-окружной комитет. Ключевые позиции в них занимали меньшевики-интернационалисты во главе с К. А. Поповым. Под влиянием первых сведений о петроградских событиях поздно вечером 25 октября Комитет революционной демократии большинством голосов (25 — за, один против и 13 воздержались) принял резолюцию, в которой заявил, что он «за торжество революции, за власть рев[олюционной] демократии, что он с повстанцами...» [78].

28 октября петроградские события обсуждались на общем собрании Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. Здесь впервые большинство членов Совета поддержало резолюцию, предложенную большевиками. В ней выражалось мнение о том, что успех нового этапа революции возможен лишь «при полном разрыве с буржуазией и переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не только в центре, но и на местах». Однако Омский Совдеп высказался против захвата власти Советами. Как и Комитет революционной демократии, он ограничился только декларацией, не предложив никаких конкретных мер по взятию власти Советами. Такая пассивность не устраивала стремительно радикализировавшиеся под влиянием большевистской агитации массы рабочих и солдат.

Отражением новых настроений в рабоче-солдатской среде Омска стало прозвучавшее 11 ноября из уст «левого» эсера Н. Е. Ишмаева требование о необходимости перевыборов Совета и его исполкома. Новые выборы состоялись 18—20 ноября. Они ознаменовались победой большевиков: из 218 депутатов 68 были членами РСДРП(б) и 81 беспартийными, которые их поддерживали. Свою победу большевики закрепили при формировании исполкома Совета. В нем они получили 11 из 18 мест, а в президиуме исполкома — четыре из семи. Председателем исполкома был избран незадолго до того прибывший в Омск представитель ЦК РСДРП(б), большевик с 1898 г. В. М. Косарев [113, с. 262—267]. В результате произошла большевизация Омского Совдепа. Его постановлением от 6 декабря местная власть была объявлена перешедшей к президиуму исполкома Совета. Но реально последнему пришлось делить власть с комиссаром Временного правительства А. Е. Новоселовым и городской думой, которые продолжали легально работать.

Большое влияние на развитие политической обстановки в Восточной Сибири оказывал Иркутск. Он являлся резиденцией окружного комиссара Временного правительства эсера А. Н. Кругликова и губернского комиссара беспартийного И. А. Лаврова, командующего и штаба войск Иркутского военного округа, Восточно-Сибирского окружного бюро Советов и Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь). Руководство всеми революционно-демократическими организациями, в том числе Советами, кроме Центросибирь, в то время находилось в руках эсеров и меньшевиков, поддерживавших Временное правительство.

Борьбу за установление власти Советов в Иркутске возглавила Центросибирь, председателем которой являлся уполномоченный ЦК РСДРП(б), большевик с 1903 г. Б. З. Шумяцкий. Руководимые ею большевики развернули большую агитационную работу среди рабочих и солдат гарнизона, убеждая их взятием власти в Иркутске поддержать победоносное восстание в Петрограде. Прежде всего члены РСДРП(б) настаивали на переизбрании местных Советов.

На состоявшихся 1 ноября перевыборах Совета солдатских депутатов и 15 ноября — Совета рабочих депутатов членам РСДРП(б) удалось получить большинство в обоих Совдепах и возглавить их. Председателями Советов стали соответственно социал-демо-

крат с 1897 г. Н. А. Алексеев и член РСДРП(б) с 1904 г. Я. Д. Янсон. 17 ноября объединенный исполком обоих Советов принял решение учредить временный военно-революционный комитет, в подчинение которого намечалось передать все органы государственного управления и войска гарнизона. Состоявшееся через день объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов, в котором участвовало примерно 450 человек, большинством голосов одобрило это решение. Здесь же был избран временный военревком в составе трех большевиков и двух «левых» эсеров под председательством Я. Д. Янсона. На следующий день военревком обратился к населению с воззванием, в котором объявил себя высшей местной властью в Иркутске [1, с. 92—93; 112, с. 63—64, 67—68].

В ответ на решение фракции большевиков иркутских Совдепов взять власть в свои руки умеренные социалисты и руководимые ими структуры создали Исполком общественных организаций, который возглавил член ЦК партии эсеров Е. М. Тимофеев. В Исполком вошли представители городского самоуправления, Совета крестьянских депутатов, профсоюзов железнодорожных рабочих и служащих, почты и телеграфа, фракций эсеров и объединенных социал-демократов обоих Совдепов. Исполком общественных организаций издал листовку, в которой обратился к служащим государственных учреждений с призывом не подчиняться смещениям с должностей и никого на них не допускать. «Никаких уступок и добровольных сдач своих постов захватчикам быть не может», — призвал Исполком общественных организаций [21, л. 7].

По другому, более замысловатому и затянувшемуся по времени сценарию развивались события в Томске. К октябрьскому перевороту в Петрограде Томск утратил свои лидирующие революционные позиции в Сибири и название «Сибирского Кронштадта». Власть в губернии и городе принадлежала комиссару Временного правительства «беспартийному социалисту» Б. М. Гану, коалиционному по своему составу исполкому губернского народного собрания, Томскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Из-за малочисленности в Томске рабочих главной опорой большевиков являлись солдаты гарнизона, тогда как большинство горожан и крестьян губернии поддерживало эсеров.

В таких условиях после получения сведений о событиях в Петрограде томские большевики, не имея достаточных сил, проявили благоразумие и действовали очень осторожно. Первоначально 26 октября на заседании городской думы член фракции большевиков А. Ф. Иванов ограничился предложением обсудить петроградские события. Однако фракция партии народной свободы заблокировала эту попытку, ссылаясь на недостаток объективных данных и неизвестность большевистских источников информации [88].

Затем по инициативе губернского комитета РСДРП(б) 26—27 октября состоялось два довольно многочленных совещания с участием представителей партийных комитетов меньшевиков, эсеров и Бунда, Совета рабочих депутатов, Совета солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, крупнейших профсоюзов, на которых обсуждался вопрос об отношении к Октябрьскому перевороту и об организации местной власти.

После ожесточенных дебатов на совещаниях была достигнута договоренность о создании ревкома Томской губернии на началах представительства от исполкома Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, Совета офицерских депутатов, гарнизонного Совета, от партийных организаций большевиков, меньшевиков и эсеров, от Центрального бюро профсоюзов, профсоюзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Председателем ревкома был избран председатель Томского Совдепа большевик с 1903 г. А. И. Беленец [60, с. 100, 102—103].

Соглашение о создании в Томске временного коалиционного органа губернской власти было попыткой воплощения в жизнь на локальном уровне идеи однородного социа-

листического правительства. Надежду на успех внушало многомесячное сотрудничество социалистических партий в Томском губернском народном собрании, а также особая позиция, которую по вопросу об отношении к большевистскому восстанию в Петрограде занимала самая крупная в Сибири и довольно авторитетная Томская организация эсеров. В конце октября — начале ноября 1917 г. ее руководство рассматривало Петроградское восстание как промежуточный шаг к созданию правительства с участием всех социалистических партий. Оно заявляло о готовности примкнуть к восстанию, «дабы перелить его из большевистских форм в формы, совпадающие с мировоззрением и истинно революционной тактикой ПСР» [26, с. 80; 103, с. 137—138].

Ревком немедленно начал проявлять свою власть. 28 октября он постановил, что никто не имеет право печатать и распространять информационные телеграммы без разрешающей подписи кого-либо из его членов, заверенной печатью Совдепа [89]. Камнем преткновения, однако, стал вопрос о том, кому должен подчиняться ревком. Большевики считали, что он ответственен только перед Советами, меньшевики и эсеры — еще и перед исполкомом губернского народного собрания. В результате предварительная договоренность не получила окончательного подтверждения. Большевики приняли решение отложить решение вопроса о власти до губернского съезда Советов, назначенного на 22 ноября [5, с. 168].

23 ноября Томский губернский съезд Совдепов, на который прибыло 30 делегатов, приступил к работе. Была сформирована и утверждена его программа, включавшая девять вопросов, в том числе о власти на местах и о выборах губернского исполкома Советов. Но неожиданно работа съезда была прекращена, а сам он, по словам лидера томских большевиков Н. Н. Яковлева, объявлен не состоявшимся из-за «отсутствия на нем полного представительства», под которым подразумевалась неявка делегатов от Новониколаевского Совдепа.

Тогда большевики нашли нестандартный выход из положения. Они решили провести съезд Советов Томской губернии во время работы третьего Западно-Сибирского съезда Советов, который планировалось созвать в Омске в начале декабря 1917 г. [31; 32]. Однако 6 декабря, в разгар работы Западно-Сибирского съезда Советов¹, исполком Томского Совдепа через издававшуюся им газету «Знамя революции» проинформировал население города о том, что во исполнение воли большевистского Совета народных комиссаров он становится «представителем верховной Советской власти в г. Томске».

Вскоре эта же газета сообщила о том, что на следующий день после окончания работы в Омске Западно-Сибирского съезда Советов, 11 декабря, состоялся Томский губернский съезд Совдепов, в котором участвовало 22 человека. Она проинформировала о составе участников съезда и его решении создать Томский губернский исполком Советов. С этой целью съезд образовал некое «ядро» в составе большевиков А. И. Беленца, С. И. Канатчикова, З. Ф. Кулинича (Присяжнюка), М. А. Обертышева и эсера-интернационалиста П. В. Резанова, в которое местным Советам предлагалось делегировать еще 17 своих представителей. Ставилась задача таким способом создать в Томске к 20 декабря губернский исполком Советов [33].

Совершенно очевидно, что сформированный таким странным и не до конца понятным способом губернский исполком Советов не являлся легитимным и авторитетным для населения губернии. Не случайно 10 декабря первая сессия чрезвычайного Томского губернского земского собрания заявила о признании за собой всей полноты власти в губернии и потребовала не допускать какого бы то ни было вмешательства в его деятельность. Однако в целях предупреждения гражданской войны оно предложило войти

¹ Информацию о его деятельности см.: [73].

в контакт с Советом рабочих и солдатских депутатов и Советом крестьянских депутатов для создания — до решения Всероссийского Учредительного собрания вопроса об органах местной власти — коалиционного губернского комиссариата из представителей названных структур [34].

Видимо, сознавая свою слабость, возглавляемый А. И. Беленцем губернский исполком Советов 30 декабря пошел на соглашение с руководимыми эсерами исполкомом губернского народного собрания и губернской земской управой о создании единой губернской власти из представителей губернских Совдепов и земства. В качестве губернского исполнительного органа власти был учрежден комиссариат в составе двух большевиков и двух эсеров. Но он не просуществовал и двух недель. Под давлением приехавшего в Томск Н. Н. Яковлева, имевшего мандат представителя ЦК РСДРП(б), 13 января 1918 г. губисполком Советов рабочих и солдатских депутатов аннулировал это соглашение [37; 99, с. 249—250].

В Алтайской губернии и в Барнауле, являвшемся ее административным центром, власть находилась в руках губернского комиссара Временного правительства народного социалиста А. М. Огорокова, который в своей деятельности опирался на исполком губернского народного собрания, органы земского и городского самоуправления, в составе которых преобладали эсеры и меньшевики. Главную оппозицию им составлял руководимый большевиком с 1905 г. М. К. Цаплиным Барнаульский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В связи с получением тревожной информации о событиях в Петрограде, а также слухов о погромах, самочинных обысках, арестах и вооруженном захвате власти в Барнауле А. М. Огороков 27 октября созвал экстренное совещание. В нем приняли участие представители 13 общественных организаций: исполкома губернского народного собрания, губернского и уездного земств, городского самоуправления, исполкома Барнаульского Совдепа, демократических организаций и социалистических партий. Оно заслушало информацию А. М. Огорокова о принятых мерах по сохранению спокойствия в губернии и признало его действия «вполне правильными».

Для поддержания порядка в губернии, в целях своевременного и правильного производства выборов во Всероссийское Учредительное собрание и «охраны свобод, добытых революцией», совещание посчитало необходимым, как и во время выступления генерала Л. Г. Корнилова, организовать коалиционный губернский Комитет спасения революции, которому постановило передать всю полноту местной власти. В Комитет спасения вошли представители исполкома Барнаульского Совдепа, губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, городского самоуправления, губернского и уездного земств, социалистических партий. Для оперативной работы было создано распорядительное бюро Комитета, состоявшее из эсера Т. В. Миничева-Васильева (председатель), социал-демократа интернационалиста П. Я. Машкова и меньшевика В. И. Николаева (товарищи председателя) [28; 39—42; 97, с. 65—66].

В действительности возглавляемый А. М. Огороковым губернский комиссариат не прекратил свою деятельность, а губернский Комитет спасения революции только оказывал ему посильную помощь. Но ситуация в Барнауле продолжала стремительно накаляться. С одной стороны, социалистическая и демократическая общественность не признавала созданное большевиками правительство, считая, что вопрос о центральной власти является прерогативой Всероссийского Учредительного собрания, с другой — местные большевики, вдохновляемые успехом своих петроградских товарищей, вели себя все более агрессивно. Уже 28 октября на заседании коалиционного Комитета спасения революции большевики выразили недоверие А. М. Огорокову [29].

Затем Барнаульский Совдеп попытался реорганизовать Комитет спасения революции, исключив из него представителей партии народных социалистов, земского и городского самоуправления. Эта попытка не увенчалась успехом. Общее собрание Комитета ответило решительным отказом пойти на поводу у большевиков, заявив, что «притязания отдельных организаций на власть не могут считаться правильными». Более того, Комитет заявил, что он признает «совершенно недопустимым реконструкцию или образование новых революционных комитетов без участия большинства организаций, входящих в состав Комитета [спасения революции]». Чтобы отвести от Совета рабочих и солдатских депутатов подозрение о захвате им власти в свои руки, его представитель официально заверил Комитет спасения революции о том, что слухи об этом «являются клеветой и сеются с целью усиления в городе анархии» [40].

Вопреки этому заявлению 6 декабря 1917 г. большевики сделали решающий шаг. Руководимый ими исполком Барнаульского Совдепа опубликовал приказ, в котором он отозвал своего представителя из губернского Комитета спасения революции, сам Комитет объявил распущенным, временной верховной властью провозгласил военревком, созданный при Барнаульском Совдепе, ввел в городе и его окрестностях военное положение. На следующий день по распоряжению военревкома деятельность губернского комиссариата была насильственно прекращена вооруженной силой. На телефонную станцию и в милицию военревком отправил своих комиссаров в сопровождении красногвардейцев и солдат, ввел цензуру. Высшие служащие губернского комиссариата, подчиняясь силе, решили сдать большевикам все дела по описи и прекратить занятия. В ответ военревком отстранил некоторых служащих от должности, а А. М. Огорокова арестовал и заключил в местную тюрьму по надуманному обвинению в финансовых злоупотреблениях [6, с. 122—123; 14; 108, с. 68].

17 декабря в Барнауле состоялось совещание представителей земств и городов Алтайской губернии по вопросу о текущем моменте. Оно вынесло постановление о деятельности губернского комиссариата Временного правительства, в котором говорилось, что комиссариат «в своих действиях опирался на доверие населения губернии, руководствуясь лишь интересами последнего, и в деятельности своей решительно никаких поводов к обвинениям в каких-либо злоупотреблениях этим доверием не дал». Оно заявило протест против насильственного захвата управления комиссариатом военревкомом и выразило свое сочувствие А. М. Огорокову и его помощнику Я. В. Плотникову [20, л. 129].

С 26 октября вопросы об отношении к перевороту в Петрограде и о создании местной власти не сходили с повестки дня разного рода заседаний, конференций, совещаний и съездов общественных организаций Читы и Забайкальской области. Здесь власть находилась в руках областного Комитета общественной безопасности и комиссара Временного правительства меньшевика С. Ф. Завадского, которым оппонировал малоавторитетный Совет рабочих и солдатских депутатов. Сначала большинство революционно-демократических организаций, состоявших в основном из эсеров и меньшевиков, осуждало восстание большевиков и высказывалось в поддержку Всероссийского Учредительного собрания. Затем наметилась тенденция левого крыла социалистов оправдывать большевистский переворот как естественную реакцию на политику Временного правительства и высказываться за переход всей власти в руки Советов [96, с. 98—102]. Тем не менее предложение о взятии власти Читинским Советом рабочих и солдатских депутатов никто не выдвигал. Самостоятельной большевистской организации в Чите не существовало. Большевики входили в организацию социал-демократов-интернационалистов, которую возглавлял член РСДРП с 1898 г. В. Н. Соколов, не являвшийся в то время твердым сторонником В. И. Ленина.

В конце декабря 1917 г. в Чите состоялись второй областной съезд сельских депутатов, первый областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и съезд городских дум и уездных комитетов общественной безопасности Забайкальской области. Они заняли разные политические позиции: большинство селян являлись сторонниками эсеров и стояли за Всероссийское Учредительное собрание, тогда как съезд Советов поддерживал большевиков и «левых» эсеров и одобрил решения второго Всероссийского съезда Советов. В конечном счете, после нескольких безуспешных попыток создать авторитетную местную власть, все три съезда 31 декабря согласились с предложением второго съезда сельских депутатов Забайкалья об организации до созыва Всероссийского Учредительного собрания коалиционного Народного совета. В этот совет вошли выдвиженцы трех съездов, в основном социал-демократы и эсеры разных течений [96, с. 131—139]. 4, 5 и 7 января 1918 г. произошло формирование руководящих структур местной власти. Председателем Народного совета был избран меньшевик М. А. Ваксберг, заместителями председателя — правый эсер Э. С. Алко и «левый» эсер Г. А. Комаров. Тогда же был сформирован областной исполнительный орган власти — коллегия комиссариата. Ее председателем избрали «левого» эсера И. А. Бутина, комиссарами — большевиков В. Н. Соколова, И. А. Дубова, заместителем комиссара Н. М. Матвеева [8, с. 19].

Примерно полтора месяца в Народном совете и Коллегии комиссаров шла борьба между его руководством и большевиками по ряду политических вопросов: об отношении к роспуску Всероссийского Учредительного собрания, к атаману Г. М. Семенову и Читинской Красной гвардии. Вскоре большевики стали саботировать работу в обоих местных верховных органах власти, поскольку не получали в них поддержку. Однако неожиданно ситуация для сторонников установления власти Советов в Забайкалье, не имевших для этого достаточно собственных сил, к их удовольствию и удивлению разрешилась стремительно и успешно. Помощь пришла в виде возвратившегося с фронта 2-го Читинского казачьего полка, который в ходе передислокации в Забайкалье подвергся большевистской обработке, а его выборный командир прапорщик Я. П. Жигалин был близок к большевикам.

Еще во время пребывания 2-го полка в Верхнеудинске читинские большевики установили контакт с его командованием и договорились с ним об участии полка в свержении Народного совета. С этой целью был создан военно-революционный штаб, который разработал соответствующий план. Прибыв 16 февраля в Читку, казаки сразу установили свой контроль в административных зданиях и над средствами связи. Командный состав полка явился в Читинский Совдеп и подтвердил свое согласие активно участвовать в установлении власти Советов. На следующий день казаки претворили его в жизнь. Уполномоченный их штаба дважды приходил в Народный совет, требовал его самороспуска и передачи власти Совдепу. Это требование было поддержано изнутри Народного совета его рабочей секцией, которая заявила о своем выходе из Народного совета, что дестабилизировало его положение и побудило принять решение о самороспуске [8, с. 25—26]. «Переворот, — вспоминал полтора года спустя В. Н. Соколов, — получился не только бескровный, но даже почти без арестов и даже почти без словесных сражений» [95, с. 393]. Был создан новый орган власти — Комитет советских организаций, который возглавил В. Н. Соколов.

* * *

Во всех губернских городах, где левые радикалы действовали наиболее решительно, они встретили сопротивление со стороны социалистической и либерально-демократической общественности. В Красноярске в ответ на действия Совдепа сторонники Временного правительства немедленно сформировали губернский объединенный комитет

демократических общественных организаций во главе с В. М. Крутовским. В него вошли представители губернской и уездной земских управ, исполкома губернского Совета крестьянских депутатов, социалистических партий, кооперативных организаций и казачества. Комитет обратился к гражданам с призывом поддержать его как стоящего на защите интересов государства, призвал служащих государственных и общественных учреждений не исполнять распоряжения Совдепа и в знак протеста прекратить работу. Этому призыву последовали служащие примерно трех десятков учреждений. Тогда же руководство губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, возглавляемое эсером Н. В. Фоминым, вышло из состава Объединенного губисполкома Советов, лишив его права называться крестьянским [22, л. 6; и др.].

Для ликвидации забастовки губисполком Советов принял ряд жестких мер, включая принудительное вселение в квартиры забастовщиков беженцев, увольнения и аресты. Аресту и заключению в тюрьму подверглись В. М. Крутовский, его помощник Л. Е. Козлов, окружной прокурор Г. Б. Патушинский и некоторые другие чиновники. Утром 5 ноября по просьбе Красноярского Совдепа на помощь новой власти из Томска по железной дороге прибыла артиллерийская батарея из четырех орудий. В сопровождении красногвардейцев, двух взводов томских солдат и двух рот революционно настроенных солдат местного гарнизона военная колонна продефилировала от железнодорожного вокзала до центра города, демонстрируя населению решимость большевиков не останавливаться перед применением вооруженной силы [49]. Несколько дней в Красноярске шли различные заседания, многочленные собрания и митинги, организованные большевиками, на которых обсуждались вопросы об отношении к перевороту в Петрограде и захвату власти местным Совдепом. В большинстве случаев голосами рабочих и солдат на них выносились резолюции, одобрявшие деятельность большевиков и Советов.

Забастовка служащих длилась почти две недели. 13 ноября она была прекращена после переговоров, в ходе которых большевистский губисполком принял ряд требований бастовавших, в том числе об освобождении арестованных и неприменении репрессий к ее участникам. Параллельно 11—13 ноября велись переговоры между губисполкомом, с одной стороны, эсерами и меньшевиками — с другой, о создании в Красноярске Объединенного комитета демократических организаций и социалистических партий, не подчиненного ленинскому Совету народных комиссаров. Аналогичную попытку предприняло руководство губернского исполкома Совета крестьянских депутатов. Но они обе не увенчались успехом. Губисполком Совдепа не пошел на компромисс, поскольку служащие прекратили забастовку, что позволило большевикам приступить к подчинению себе аппарата управления [50; 51; 61; 101, с. 313—320].

В Барнауле Алтайский губернский комитет спасения революции 6 декабря 1917 г. в ответ на действия местных радикалов признал возможным организовать забастовку как средство борьбы с захватом власти большевиками. Он объявил однодневную забастовку всех служащих правительственных учреждений и общественных организаций. Особую позицию заняла Барнаульская городская дума. Отказавшись признать власть большевистского Совнаркома в Петрограде и военревкома в Барнауле, она сочла такую меру недопустимой в переживаемое время и постановила продолжать свою работу до тех пор, «пока это будет возможно».

17 декабря городская дума предложила созвать в Барнауле съезд представителей городских и земских самоуправлений для организации местной власти. 18 декабря от лица этого съезда она высказалась за формирование в губернии временного коллегиального управления из представителей Совдепов и самоуправлений до создания центральной власти Всероссийским Учредительным собранием [6, с. 122—123; 7, с. 86—87, 91—94,

99, 109—111]. Но большевики это предложение проигнорировали. В результате одна из местных газет так характеризовала возникшую обстановку: «Ведь в губернии сейчас нет никакой власти, и хотя наши губернские учреждения еще работают и с грехом пополам обслуживают нужды населения, но они сами не знают, перед кем им следует сейчас отвечать и кому подчиняться» [93].

В Омске до конца декабря 1917 г. одновременно с большевистским Совдепом продолжали существовать областной и уездный комиссары Временного правительства и городская дума. Попытка Совдепа овладеть исполнительным аппаратом комиссариатов натолкнулась на сопротивление почти 10 тыс. служащих шести десятков правительственных, общественных и частных учреждений, отказавшихся признать Совет народных комиссаров и по-прежнему считавших Временное правительство единственной законной властью до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Почти месяц Омский Совдеп занимался формированием так называемого временного Комиссариата Степного края и Акмолинской области. Только 29 декабря президиум Омского Совдепа заявил о снятии с должности комиссара Временного правительства и о передаче власти временному Комиссариату. В свою очередь возможность взятия власти в свои руки Комиссариат связывал с проведением назначенного на 5 января 1918 г. съезда Советов рабочих и солдатских депутатов Степного края и созывом 15 января съезда Советов крестьянских депутатов Западной Сибири [62, с. 67—68]. Другими словами, временный Комиссариат реально ничем не управлял, надеясь на перелом ситуации в ходе работы двух съездов.

Расчет на съезды оказался верным. Особенно значительную роль сыграл проведенный 17—24 января 1918 г. третий Западно-Сибирский съезд крестьянских депутатов [72]. Благодаря ему такие ожидания в значительной мере оправдались, но далеко не сразу. 10 марта 1918 г. председатель Омского областного исполкома Советов «левый» эсер Н. Е. Ишмаев доложил руководству Народного комиссариата внутренних дел о том, что во всех уездах, кроме Тарского, земство упразднено и власть перешла в руки Совдепов. «Внутри области, — сообщил он, существенно уточняя обстановку, — идет энергичная работа <...> по организации волостных [и] сельских кредепов, упразднение земства» [23, л. 69].

В Сибири наиболее острый характер противостояние между сторонниками Временного правительства, с одной стороны, и ленинского Совнаркома — с другой, приняло в Иркутске. Возглавляемые Б. З. Шумяцким большевики вели себя очень агрессивно и не стеснялись в выборе средств. Их, в отличие от социалистов, не страшил гражданская война. Напротив, они целенаправленно вели дело к вооруженному конфликту, рассматривая его как последовательное проявление классовой борьбы трудящихся против эксплуататоров. По распоряжению военревкома под надуманным предлогом о подготовке контрреволюционного заговора начались репрессии. Подверглись аресту начальник штаба Иркутского военного округа и несколько старших офицеров, комиссар Временного правительства губернии И. А. Лавров после ареста оказался в заключении, началось изъятие оружия у подчиненной городской думе милиции, в государственные учреждения были направлены 11 комиссаров в сопровождении вооруженных отрядов.

Сторонники Временного правительства занимали оборонительные позиции. Служащие правительственных учреждений отказались подчиниться комиссарам и прекратили работу. 3 декабря городская дума образовала Комитет защиты революции. В его состав вошли такие известные общественные деятели, как Е. М. Тимофеев и лидер местных меньшевиков Н. П. Патлых, избранные депутатами Всероссийского Учредительного собрания, председатель губернского Совета крестьянских депутатов эсер П. Д. Яковлев

и др. 6 декабря городская дума от имени Комитета защиты революции пообещала населению, что она «поведет энергичную политическую борьбу с большевистским захватничеством и берет на себя руководство деятельностью всех гражданских и военных организаций» [59, с. 25—26; 112, с. 70].

Но 7 декабря Б. З. Шумяцкий, специально для этого назначенный командующим Иркутским военным округом, приказом объявил об отказе осуществить производство в офицеры юнкеров военного училища и выпускников трех школ прапорщиков, а на следующий день предписал им сдать оружие. В ответ представители юнкеров потребовали производства в офицеры, выдачи денег на обмундирование и отправку в полки. Военревком отказался удовлетворить их требования, мотивируя отсутствием финансовых средств, декретом Совнаркома об отмене офицерских званий, ликвидацией военно-учебных заведений и роспуском старых полков.

Поскольку юнкера в назначенный срок оружие не сдали, утром 8 декабря советская артиллерия начала обстрел занимаемых ими зданий. В середине дня отряды юнкеров приступили к ответным боевым действиям. В подчинении военревкома имелось несколько тысяч солдат четырех запасных полков и дружины ополчения, отряд Красной гвардии [54, с. 83—91]. Вскоре к ним прибыла поддержка в лице черемховских красногвардейцев, 14—15 декабря — отрядов добровольцев под командованием Т. М. Стремберга и Р. П. Эйдемана из Канска, Ф. И. Веймана, Г. И. Ильина и С. Г. Лазо из Красноярска, Е. К. Зверева из Ачинска с артиллерией. В совокупности военревком располагал 16—18 тыс. штыков и несколькими десятками орудий, которым противостояли юнкера военного училища, небольшая часть учащихся 1-й и 2-й школ прапорщиков, а также малочисленные группы казаков, добровольцев из офицеров, чиновников и учащейся молодежи, в общей сложности насчитывавшие примерно 900 человек.

Бои длились почти 10 дней. Юнкера удерживали за собой центральную часть Иркутска, в локальных схватках нанесли противнику несколько поражений, взяли в плен не менее тысячи красных, включая С. Г. Лазо, и 16 декабря с третьей попытки захватили Белый дом, в котором находились 153 человека, в том числе несколько крупных советских деятелей. После этого большевики согласились сначала на перемирие, а 19 декабря подписали договор, по сути дела признав свое поражение [16; 17; 36; 54, с. 93—164]. Вот что телеграфировал о сложившейся в Иркутске ситуации делегат исполкома Томского губернского народного собрания меньшевик В. П. Денисов, специально приехавший для прекращения вооруженного конфликта: «Обе стороны дали торжественное обещание соблюдать мир на предложенных нами условиях и принимают меры к осуществлению исполнения условий договора. Часть войск и Красной гвардии начали разъезжаться. Предприняты меры к расформированию школ прапорщиков. В городе водворилось спокойствие» [15].

Согласно этому договору власть в Иркутске и губернии переходила к коллегиальному органу — губернскому народному Совету, составленному из представителей Совдепов, гордумы, земства, профсоюзов и И. А. Лаврова. Комиссары из всех учреждений отзывались; советские войска распускались; прибывшие из других городов вооруженные отряды возвращались обратно; школы прапорщиков расформировывались; личный состав военного училища распускался, а офицеры демобилизовывались. Но большевики, ссылаясь на категорическое несогласие с условиями мира со стороны прибывших из Енисейской губернии отрядов, договор сразу же расторгли. Их войска заняли центральную часть Иркутска. Юнкера подверглись разоружению, военное училище и школы прапорщиков — расформированию. Высшим органом власти объявило себя большевистское

Окружное бюро Советов [35; 36; 59, с. 26—34; 112, с. 73]. В результате в городе утвердилось единовластие большевиков и руководимых ими Совдепов.

По количеству участников, продолжительности боев, людских жертв, потерь материальных ценностей иркутские события уступали только аналогичным событиям в Москве. Количество погибших и раненых участников боев с обеих сторон исчислялось несколькими сотнями. Еще больше убитых и раненых имелось среди гражданского населения. В том числе выстрелом в спину был убит Н. П. Патлых, ходивший в качестве парламентаря в Белый дом и возвращавшийся оттуда после переговоров с красными. Артиллерийский огонь разрушил несколько кирпичных зданий в центре города, были сожжены десятки деревянных домов, пострадала городская инфраструктура. Гражданское население, подвергнувшееся насилиям и грабежам со стороны красногвардейцев и солдат, частично покинуло Иркутск.

* * *

В конце октября — декабре 1917 г. большевики и их сторонники заявили об установлении власти Советов в шести губернских и областных и в нескольких уездных центрах. На самом деле эти утверждения не соответствовали действительности, поскольку между провозглашением и установлением власти, как правило, совершалось много событий и проходило немало времени. Реально почти все Советы и их исполкомы, кроме Красноярского, Барнаульского, Ачинского, Енисейского и Канского, еще по несколько недель не обладали всей полнотой власти даже в городах. Часть из них делила властные полномочия с комиссарами Временного правительства и почти все — с городскими думами, уездными и губернским земскими управами. По сути дела в большинстве городов, в которых большевики провозгласили установление власти Советов, существовало своеобразное двоевластие: в общественно-политической сфере власть принадлежала Советам, в социально-экономической — городским думами и земству.

Лишь к концу зимы — началу весны 1918 г. с помощью института назначенных комиссаров Советы и их исполкомы частично разрушили и/или постепенно овладели старым исполнительным аппаратом, переформатировали его и создали на его базе свои отделы. Их количество и названия в разных исполкомах различались. По мере ликвидации городских дум и земских управ оно увеличивалось. В помощь комиссарам направлялись новые сотрудники, из которых для руководства отделами формировались коллегии. Однако до конца весны 1918 г. даже наиболее хорошо организованные губернские и уездные исполкомы Советов так и не стали полновластными хозяевами на всей подведомственной им территории.

В конце 1917 — начале 1918 г. Советы еще нескольких уездных городов, в том числе Бийска, Камня, Каинска, Кургана, Новониколаевска и Славгорода, в которых было значительное влияние большевиков, «левых» эсеров и анархистов, объявили о том, что они берут власть в свои руки. Лишь иногда такие заявления отражали их реальные возможности и положение. В большинстве случаев утверждения о взятии власти со стороны городских Совдепов являлись скорее выражением намерения и не соответствовали действительности.

В большей части уездных и даже в таких губернских городах, как Тобольск и Якутск, позиции «левых» радикалов были настолько слабыми, что они не имели большинства в Советах и тем более не рассчитывали взять власть в свои руки. В сентябре и декабре 1917 г. в Тобольске были проведены малоавторитетные губернские съезды Советов, на которых было избрано только «ядро» губернского исполкома Совдепов. На 5 марта очередной губернский съезд был назначен в Тюмени, но не состоялся. Было принято решение 2 апреля провести в Тюмени новый съезд для создания губернской власти [98]. Под-

робная и объективная картина того, как большевики смогли установить власть в Тюмени и в губернии, к настоящему времени в литературе имеется [47, с. 78—93].

Силой авторитета советского правительства, используя только телеграфную связь, в начале 1918 г. народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский пытался утвердить власть Советов в Якутске. Он отдал приказ об отстранении с поста областного комиссара Временного правительства эсера В. Н. Соловьева, с чем последний согласился. Но стремление Москвы утвердить на этой должности сначала большевика К. Е. Андреевича, а потом меньшевика Н. С. Ершова, поддержанного Я. Д. Янсоном из Иркутска, провалилось из-за решительного несогласия эсеров. Не получила поддержки также попытка создать коалиционный орган власти. Чтобы добиться успеха, 28 мая большевики из Иркутска в Якутск направили экспедиционный отряд интернационалистов под командованием А. С. Рыздинского [24, л. 65, 69; 58, с. 127, 154].

Для отстранения от власти комиссаров Временного правительства и установления в них власти Советов в такие города, как Акмолинск, Березов, Ишим, Сургут, Тара, Тобольск, Троицкосавск, Туринск, Тюкалинск, Ялуторовск, по просьбе большевиков были направлены специальные вооруженные отряды из Петрограда, Екатеринбурга, Омска и Перми, состоявшие из интернационалистов, красногвардейцев и матросов, располагавшие пулеметами и орудиями. Именно такие экспедиционные отряды сыграли решающую роль в подавлении сопротивления со стороны демократической и социалистической общественности и в советизации названных городов.

Довольно быстро и легко власть Советов утвердилась только в тех населенных пунктах, где был высокий удельный вес рабочих, имелись большевистские ячейки и уже существовали Совдепы. В Томской губернии в числе таковых оказались город Боготол и Мариинские прииски, в Иркутской губернии — Нижнеудинск и Черемхово, в Забайкалье — Арбагарские копи, поселок Могоча, города Мысовск и Нерчинск. Но таких населенных пунктов в Сибири было немного.

Принципиально иначе протекали политические процессы в сельской местности, где проживало подавляющее большинство населения Сибири. Информация о событиях в Петрограде, еще менее полная и достоверная, в основном на уровне слухов, приходила в села и деревни намного позднее, чем в города. Крестьянам, имевшим низкий уровень общей и политической культуры, было трудно разобраться в хитросплетениях политической и тем более межпартийной борьбы. О политических партиях основная масса селян составляла представления, как правило, на основе транслируемых им лозунгов. Взгляды и настроения крестьян не отличались устойчивостью, зачастую были противоречивыми, отражая не только социальные позиции разных слоев, но и элементарное непонимание текущих событий.

Вначале все общесибирские, губернские и уездные крестьянские организации резко отрицательно отреагировали на большевистский переворот, высказались в пользу Всероссийского Учредительного собрания, выступали за создание на местах земских учреждений. Примерно до конца зимы — начала весны 1918 г. об установлении власти Советов на селе не приходится говорить, потому что их количество исчислялось единицами в любой губернии. Первоочередная задача большевиков и их союзников заключалась в том, чтобы сначала хотя бы организовать Советы. Но советизация деревни шла медленно, поскольку членов РСДРП(б) и их сторонников среди населения было мало, и она встречала противодействие со стороны зажиточной и интеллигентной части жителей.

Активизация советского строительства в сибирской деревне началась в феврале — марте 1918 г. под давлением сверху. В этих целях большевики широко использовали губернские и уездные съезды крестьянских депутатов, проводя на них разъяснительную

работу и добиваясь принятия необходимых решений. Наряду с большевиками, сотрудниками губернских и уездных исполкомов Советов в организации волостных и сельских Советов участвовали эсеры, губернские и уездные земские управы, демобилизованные солдаты, особенно фронтовики. Чаще всего волостные Советы создавались на базе соответствующих земств путем простого их переименования, чтобы избежать наказания со стороны вышестоящих советских инстанций. Иногда это делалось без замены состава земцев, то есть такие Советы были общекрестьянскими. Намного реже они организовывались «с нуля» самими крестьянами. Случалось, что по инициативе эсеров Советы учреждались на базе эсеровских крестьянских союзов. В разных губерниях и уездах ситуация довольно значительно различалась.

К концу весны 1918 г. волостные Советы существовали не более чем в 70% волостей Западной Сибири. В Восточной Сибири и Забайкалье их удельный вес был еще ниже. Причем нередко в таких волостях оставались земства, которые занимались решением хозяйственных и культурных проблем. В остальных волостях имелись земства, которые выполняли не только хозяйственные, но и политические функции. Удельный вес сельских населенных пунктов, в которых существовали Советы, был на порядок меньше, чем на волостном уровне. В конце весны 1918 г. формирование сельского звена советской системы только началось [38, с. 153—187; 109, с. 38; 105, с. 9—32]. Слой большевиков, советских сотрудников и их сторонников здесь был узким и в значительной мере состоял из маргинальных элементов, которые симпатиями среди основной массы трудящегося крестьянства не пользовались. Нижним звеном управления в деревне по-прежнему оставалась общекрестьянская община. Как следствие, власть Советов в Сибири не имела прочного фундамента.

Заключение

В конце 1917 — начале 1918 г. примерно 90% населения Сибири жили в сельской местности, в силу чего она считалась «крестьянским морем». После Октябрьского переворота в Петрограде политическая борьба за власть велась не на всей обжитой территории и не столько на селе, сколько на ее ограниченной части, локализованной крупными городами, которые являлись административными центрами областей, губерний и уездов. В Сибири инициаторами и главными акторами этой борьбы были большевики и их сторонники. Именно они стремились максимально форсировать установление власти Советов. Такая поспешность объяснялась заразительностью примера столичных товарищей, желанием оказать им поддержку, жадной приобретения личной и групповой власти, уверенностью в собственных способностях решить насущные проблемы.

Местные радикалы использовали разнообразную тактику и широкий арсенал практик, которые детерминировались объективными условиями борьбы, определялись уровнем их общей и политической культуры, нравственным уровнем. Как правило, они редко шли на компромиссы и на создание коалиционных вариантов власти, а предпочитали действовать решительно и жестко.

Большевики и их союзники в короткий срок принудительно ликвидировали местные органы власти Временного правительства, а затем ряд общественных и политических институтов, которые были социалистическими и либерально-демократическими по своей природе, составу, целям и формам деятельности. Под каток их репрессий попали партии конституционных демократов, сибирские областники, правые эсеры и часть меньшевиков, социалистическая и либерально-демократическая пресса. Такие органы печати сначала подвергались цензурированию, а потом закрывались.

Для утверждения своей власти радикалы прибегали к созданию чрезвычайных властных институтов: революционных и военно-революционных комитетов, военных штабов,

трибуналов, а также вводили военное положение. Обращение к неинституционализированным формам власти и управления во многом облегчалось тем, что отсутствовали нормативные акты, регламентирующие деятельность Советов всех типов и уровней, их объединений (съездов) и структурных образований: исполнительных комитетов, пленумов, президиумов и бюро. Как следствие, в советской сфере царили хаос и произвол, которые позволяли радикалам успешно достигать своих целей.

При свержении местных органов власти Временного правительства, органов городского и земского самоуправления большевики и их союзники широко использовали вооруженную силу: воинские части гарнизонов, Красную гвардию, рабочую милицию, экспедиционные отряды, иногда выполнявшие карательные функции. В результате в большей части городов Сибири власть Советов провозглашалась и потом утверждалась не мирным путем, а благодаря применению вооруженной силы.

В ходе установления власти Советов большевики и их сторонники осуществляли единичные и массовые акты насилия над своими политическими противниками. В их числе оказались кадеты, меньшевики, умеренные эсеры, а также социально чуждые для радикалов категории населения, в том числе предприниматели, торговцы, интеллигенты, офицеры, казаки. Они подвергались обложению чрезвычайными налогами, конфискациям и реквизициям имущества, арестам, заключению под стражу, физическому насилию и бессудным расстрелам.

Важное место в арсенале средств борьбы политических радикалов занимало распространение недостоверной и откровенно лживой информации о текущих событиях и о противниках, которые без разбора клеймились как контрреволюционеры. Рано или поздно, но в разряд контрреволюционеров они зачисляли всех несогласных и тем более оказывавших сопротивление.

В Сибири большевики и их союзники сначала провозглашали установление власти Советов, а реально управление в свои руки смогли взять намного позже, чем декларировали. Этому препятствовали сопротивление служащих и отсутствие собственных специалистов, способных занять должности. В результате к концу весны — началу лета 1918 г. Советы в Сибири относительно надежно утвердились только в крупных городах, тогда как в сельской местности этот процесс был далек от завершения.

Список использованных источников и литературы

1. Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917—1918 гг.). Новосибирск : Наука, 1978. 255 с.
2. Аксютин Ю. В. Послеоктябрьское похмелье гегемона: рабочий класс и политические партии России в первый год советской власти (ноябрь 1917 — конец 1918 г.). М. : ИИУ МГОУ, 2013. 408 с.
3. Батуев Б. Б. Партия большевиков — организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1971. 262 с.
4. Борьба за власть Советов в Восточной Сибири (1917—1922 гг.) : указатель литературы. Иркутск : Кн. изд-во, 1962. 202 с.
5. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.) : сб. документальных материалов (к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск : [Б. и.], 1957. 570 с.
6. Борьба за власть Советов на Алтае: исторический очерк. Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1957. 463 с.
7. Борьба трудящихся за установление Советской власти на Алтае. Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1957. 504 с.
8. Василевский В. И. Из истории борьбы за установление Советской власти в Чите // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1971. № 5. С. 14—27.
9. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков В. Минусинская коммуна 1917—1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М. ; Л. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. 296 с.
10. Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г. — июль 1918 г.). М. : Госюриздат, 1958. 180 с.

11. Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917—1923 гг. М. : Наука, 1995. 232 с.
12. Голос народа (Красноярск). 1917. 28 окт.
13. Голос народа. 1917. 29 окт.
14. Голос свободы (Томск). 1917. 14 дек.
15. Голос свободы. 1917. 21 дек.
16. Голос Сибири (Новониколаевск). 1918. 3 янв.
17. Голос Сибири. 1918. 4 янв.
18. Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917—1918. М. : Наука, 1965. 531 с.
19. Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917—1918. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1987. 355 с.
20. Государственный архив Алтайского края. Ф. Д-233. Оп. 1. Д. 6.
21. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 20.
22. ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 86.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 22а.
24. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 42.
25. Дементьев А. П., Коновалова О. В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Красноярск : Сибир. федер. ун-т, 2018. 320 с.
26. Дробченко В. А. Антибольшевистское сопротивление в Томской губернии в октябре 1917 — мае 1918 г. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 80—83.
27. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 2010. 550 с.
28. Жизнь Алтая (Барнаул). 1917. 29 окт.
29. Жизнь Алтая. 1917. 31 окт.
30. За власть Советов. Сборник документальных материалов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 — июнь 1918 г.). Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1957. 332 с.
31. Знамя революции (Томск). 1917. 25 нояб.
32. Знамя революции. 1917. 1 дек.
33. Знамя революции. 1917. 15 дек.
34. Знамя революции. 1917. 16 дек.
35. Знамя революции. 1917. 19 дек.
36. Знамя революции. 1917. 21 дек.
37. Знамя революции. 1918. 4 янв.
38. Иванцова Н. Ф. Западно-Сибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 г. М. : Прометей, 1993. 452 с.
39. Известия Алтайского губернского комитета спасения революции (Барнаул). 1917. 17 нояб.
40. Известия Алтайского губернского комитета спасения революции. 1917. 18 нояб.
41. Известия Алтайской губернии (Барнаул). 1917. 5 нояб.
42. Известия Алтайской губернии. 1917. 8 нояб.
43. Ирошников М. П. Рожденное Октябрем. Очерки истории становления Советского государства. Л. : Наука, 1987. 255 с.
44. Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Саратов : Саратов. ун-т, 2002. 324 с.
45. Кокоулин В. Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 — май 1918 г.). Новосибирск : [Б. и.], 2016. 404 с.
46. Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917—1921. Тюмень : [Б. и.], 2009. 224 с.
47. Кононенко А. А. Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917—1921. 2-е изд. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. 280 с.
48. Красноярский рабочий. 1917. 31 окт.
49. Красноярский рабочий. 1917. 7 нояб.
50. Красноярский рабочий. 1917. 16 нояб.
51. Красноярский рабочий. 1917. 17 нояб.
52. Красноярский Совет. Март 1917 г. — июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов) : сб. документов. Красноярск : [Б. и.], 1960. 582 с.
53. Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917—1918 годах). М. : Археографический центр, 1996. 240 с.
54. Лавров И. А. На рубеже. Harbin : Изд-во М. В. Зайцев, [1938]. 178 с.

55. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917—1922 гг. М. : Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
56. Лепешкин А. И. Местные органы власти Советского государства (1917—1920). М. : Госюриздат, 1957. 304 с.
57. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917—1921 гг.). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 292 с.
58. Новгородов А. И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск : Наука, 1969. 399 с.
59. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.
60. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880—1919 гг. : в 3 т. Т. 2, ч. 2: Сентябрь 1917 — май 1918 г. / сост. : Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2013. 384 с.
61. Озерных П. Власть большевиков в Красноярске // Народное дело. Красноярск, 1917. № 24—25. С. 5—7.
62. Омск в дни Октября и установления Советской власти (1917—1919 гг.) : сб. документальных материалов. Омск : ОГИЗ, 1947. 240 с.
63. Омский вестник. 1917. 28 окт.
64. Омский вестник. 1917. 29 окт.
65. Омский вестник. 1917. 1 нояб.
66. Очерки истории города Омска. Т. 2: Омск, XX век. Омск : Изд-во ОмГУ, 2003. 398 с.
67. Павлова И. В., Познанский В. С. Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири : библиографический указатель. Новосибирск : Наука, 1988. 104 с.
68. Первое советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. М. : Политиздат, 1991. 461 с.
69. Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 1. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. 256 с.
70. Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. 319 с.
71. Поздняков А. Октябрь (что я помню) // Известия Енисейского губернского комитета РКП (большев[иков]). Красноярск, 1922. № 8. С. 33—37.
72. Протокол третьего Западно-Сибирского съезда крестьянских депутатов от 17—24 января с. с. 1918 г. Омск : [Б. и.], 1918. 101 с.
73. Протоколы заседаний 3-го Западно-Сибирского съезда Советов солдатских и рабочих депутатов 2—10/XII 1917. Омск : Изд. 3-го Сиб[ирского] Областного Комитета, 1917. 68 с.
74. Путь народа (Томск). 1917. 27 окт.
75. Путь народа. 1917. 28 окт.
76. Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1917. 30 нояб.
77. Разгон А. И. ВЦИК в первые месяцы диктатуры пролетариата. М. : Наука, 1977. 335 с.
78. Революционная мысль (Омск). 1917. 27 окт.
79. Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / М. О. Орлов, А. В. Иванов, В. П. Рожков [и др.] ; под ред. М. О. Орлова. Саратов : ИЦ «Наука», 2017. 860 с.
80. Сапон В. П. Нижегородская губерния в 1916—1917 гг.: от «феврализма» к большевизму. Нижний Новгород, 2017. 310 с.
81. Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Красноярск : Кн. изд-во, 1962. 723 с.
82. Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 5 нояб.
83. Свободный край (Иркутск). 1917. 27 окт.
84. Свободный край. 1917. 31 окт.
85. Свободный край. 1917. 1 нояб.
86. Свободный край. 1917. 3 нояб.
87. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 27 окт.
88. Сибирская жизнь. 1917. 28 окт.
89. Сибирская жизнь. 1917. 29 окт.
90. Сибирская жизнь. 1917. 31 окт.
91. Сибирская жизнь. 1917. 5 нояб.
92. Сибирь в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны (март 1917 — 1920 г.) : библиограф. указатель / В. П. Соколова, М. Л. Жданова. Новосибирск : [Б. и.], 1973. 334 с.
93. Сибиряк-крестьянин (Барнаул). 1918. 21 янв.
94. Советы в первый год пролетарской диктатуры. Октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г. М. : Наука, 1967. 419 с.

95. Соколов В. Октябрь за Байкалом. (Январь — февраль 1918 г.) // Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта. М. ; Пг., 1922. № 10. С. 389—399.
96. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 г.) / сост. В. Г. Зыкова ; науч. ред. Э. И. Черняк. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1991. 204 с.
97. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.) / сост. Э. И. Черняк; науч. ред. Е. Н. Косых. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1992. 130 с.
98. Тобольский рабочий (Тобольск). 1918. 26 (13) марта.
99. Томская область. Исторический очерк. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. 656 с.
100. Турунов А. Н., Вегман В. Д. Революция и гражданская война в Сибири : указатель книг и журнальных статей. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1928. 136 с.
101. 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск : Поликор, 2017. 447 с.
102. Черняк Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Томского ун-та, 2001. 238 с.
103. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 г. (К истории банкротства партии). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. 166 с.
104. Шейнфельд М. Установление Советской власти в Канске, Ачинске, Минусинске и Енисейске // За власть Советов : сб. статей, напечатанных в газете «Красноярский рабочий» к 40-летию Великого Октября. Красноярск : Краснояр. рабочий, 1958. С. 224—239.
105. Шекшеев А. П. Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 — конец 1918 г.). Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2007. 156 с.
106. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
107. Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917—1928 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 399 с.
108. Шишкин В. И. Общественная и государственная деятельность А. М. Огорокова (1917 — конец 1920-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1. С. 65—77.
109. Шишкин В. И. Советское строительство в сибирской деревне в октябре 1917 — мае 1918 г. // Ленин, Октябрь и социально-экономическое развитие края. Красноярск : [Б. и.], 1987. Вып. 3. С. 36—40.
110. Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск : [Б. и.], 1963. 647 с.
111. Шубин А. В. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. СПб. : Питер, 2017. 448 с.
112. Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. М. : Госиздат, 1927. 126 с.
113. Энциклопедия города Омска : в 3 т. Т. 1: Омск от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск : Лео, 2009. 919 с.

Поступила в редакцию 31.08.2022

Шишкин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: patric@academ.org
ORCID: 0000-0002-1462-4805

UDC 94(571)+323.272“1917/1918”

V. I. Shishkin

The Establishment of Soviet Rule in Siberia (late October 1917 — May 1918)

The article analyzes issues that may shed light on the process of establishing Soviet rule in Siberia after the October Revolution in Petrograd. The Bolsheviks and their supporters in Siberia sought to gain control over territory as soon as possible. Such hurry was due to the infectious example of the comrades in the capital, the desire to support them, the thirst for getting personal and collective power, and confidence in their abilities to solve urgent problems. Local radicals used a variety of tactics and practices, determined by objective conditions and the moral level of political actors. In some cases, they tried to negotiate with moderate socialists and non-party people and made compromises and agreements with them. But sometimes they used armed force without any doubt, resorted to individual and mass acts of violence, created emergency authorities, introduced martial law, lied, and disseminated false information. Usually, the Bolsheviks and their allies in the first instance proclaimed the establishment of Soviet rule, but they actually took control much later. This was prevented by the resistance of government employees and the lack of specialists capable of taking positions. As a result, by the summer of 1918, the Soviets had relatively firmly established their rule in Siberia but only in the cities, while in the rural areas this process was far from complete.

Key words: Siberia, power, the Soviets, executive committees, the Bolsheviks, political radicals, moderate socialists, city dumas, zemstvos.

Shishkin Vladimir Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: patric@academ.org
ORCID: 0000-0002-1462-4805

References

1. Agalakov V. T. *Sovety Sibiri (1917—1918 gg.)* [Soviets of Siberia (1917—1918)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 255 p. (In Russian)
2. Aksyutin Yu. V. *Posleoktyabr'skoe pokhmel'e gegemona: rabochii klass i politicheskie partii Rossii v pervyi god sovetskoi vlasti (noyabr' 1917 — konets 1918 g.)* [Post-October hangover of the hegemon: the working class and the political parties of Russia in the first year of Soviet power (November 1917 — late 1918)]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2013. 408 p. (In Russian)
3. Batuev B. B. *Partiya bol'shevikov — organizator pobedy Sovetskoi vlasti v Vostochnoi Sibiri* [The Bolshevik Party is the organizer of the victory of Soviet power in Eastern Siberia]. Ulan-Ude, Buryatskoe kn. izd-vo Publ., 1971. 262 p. (In Russian)
4. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Vostochnoi Sibiri (1917—1922 gg.): ukazatel' literatury* [The struggle for Soviet Power in Eastern Siberia (1917—1922): Literature index]. Irkutsk, Kn. izd-vo Publ., 1962. 202 p. (In Russian)
5. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoi gubernii (1917—1919 gg.): sb. dokumental'nykh materialov (k 40-letiyu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii)* [The struggle for power of the Soviets in the Tomsk province (1917—1919). A collection of documentary materials (on the 40th anniversary of the Great October Socialist Revolution)]. Tomsk, 1957. 570 p. (In Russian)
6. *Bor'ba za vlast' Sovetov na Altae: istoricheskii ocherk* [The struggle for power of the Soviets in Altai. A historical essay]. Barnaul, Altaiskoe kn. izd-vo Publ., 1957. 463 p. (In Russian)
7. *Bor'ba trudyashchikhsya za ustanovlenie Sovetskoi vlasti na Altae* [The struggle of workers for the establishment of Soviet power in Altai]. Barnaul, Altaiskoe kn. izd-vo Publ., 1957. 504 p. (In Russian)
8. Vasilevskii V. I. *Iz istorii bor'by za ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Chite* [From the history of the struggle for the establishment of Soviet power in Chita]. *Zabaikal'skii kraevedcheskii ezhegodnik* [Trans-Baikal Local History Yearbook]. Chita, 1971, no. 5, pp. 14—27. (In Russian)
9. Gidlevskii K., Saf'yanov M., Tregubenkov V. *Minusinskaya kommuna 1917—1918 gg. Iz istorii Oktyabr'skoi revolyutsii v Sibiri* [Minusinsk commune 1917—1918. From the history of the October Revolution in Siberia]. Moscow, Leningrad, Gos. Sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo Publ., 1934. 296 p. (In Russian)
10. Gimpel'son E. G. *Iz istorii stroitel'stva Sovetov (noyabr' 1917 g. — iyul' 1918 g.)* [From the history of the construction of the Soviets (November 1917 — July 1918)]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. 180 p. (In Russian)

11. Gimpel'son E. G. *Formirovanie sovetskoi politicheskoi sistemy. 1917—1923 gg.* [Formation of the Soviet political system. 1917—1923]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 232 p. (In Russian)
12. *Golos naroda (Krasnoyarsk)*, 1917. Oct. 28. (In Russian)
13. *Golos naroda*, 1917. Oct. 29. (In Russian)
14. *Golos svobody (Tomsk)*, 1917. Dec. 14. (In Russian)
15. *Golos svobody*, 1917. Dec. 21. (In Russian)
16. *Golos Sibiri (Novonikolaevsk)*, 1918. Jan. 3. (In Russian)
17. *Golos Sibiri*, 1918. Jan. 4. (In Russian)
18. Gorodetskii E. N. *Rozhdenie sovetskogo gosudarstva. 1917—1918* [The birth of the Soviet state. 1917—1918]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 531 p. (In Russian)
19. Gorodetskii E. N. *Rozhdenie sovetskogo gosudarstva. 1917—1918. 2-e izd., ispr. i dop.* [The birth of the Soviet state. 1917—1918. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 355 p. (In Russian)
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya* [State Archive of the Altai Territory]. F. D-233. Op. 1. D. 6.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archive of the Novosibirsk Region] (GANO). F. D-144. Op. 1. D. 20.
22. GANO. F. D-144. Op. 1. D. 86.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (GARF). F. R-393. Op. 2. D. 22a.
24. GARF. F. R-393. Op. 2. D. 42.
25. Dement'ev A. P., Konovalova O. V. *Obshchestvenno-politicheskaya bor'ba v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Socio-political struggle in the Yenisei province (March 1917 — November 1918)]. Krasnoyarsk, Sibir. feder. un-t Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
26. Drobchenko V. A. Antibol'shevistskoe soprotivlenie v Tomskoi gubernii v oktyabre 1917 — mae 1918 g. [Counter-bolsheviks resistance in Tomsk province in October 1917 — May 1918]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2009, no. 319, pp. 80—83. (In Russian)
27. Drobchenko V. A. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Socio-political life of the Tomsk province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 2010. 550 p. (In Russian)
28. *Zhizn' Altaya (Barnaul)*, 1917. Oct. 29. (In Russian)
29. *Zhizn' Altaya*, 1917. Oct. 31. (In Russian)
30. *Za vlast' Sovetov. Sbornik dokumental'nykh materialov o bor'be za vlast' Sovetov v Eniseiskoi gubernii (mart 1917 — iyun' 1918 g.)* [For the power of the Soviets. Collection of documentary materials about the struggle for power of the Soviets in the Yenisei province (March 1917 — June 1918)]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. kn. izd-vo Publ., 1957. 332 p. (In Russian)
31. *Znamya revolyutsii (Tomsk)*, 1917. Nov. 25. (In Russian)
32. *Znamya revolyutsii*, 1917. Dec. 1. (In Russian)
33. *Znamya revolyutsii*, 1917. Dec. 15. (In Russian)
34. *Znamya revolyutsii*, 1917. Dec. 16. (In Russian)
35. *Znamya revolyutsii*, 1917. Dec. 19. (In Russian)
36. *Znamya revolyutsii*, 1917. Dec. 21. (In Russian)
37. *Znamya revolyutsii*, 1918. Jan. 4. (In Russian)
38. Ivantsova N. F. *Zapadno-Sibirskoe krest'yanstvo v 1917 — pervoi polovine 1918 g.* [West Siberian peasantry in 1917 — the first half of 1918]. Moscow, Prometei Publ., 1993. 452 p. (In Russian)
39. *Izvestiya Altaiskogo gubernskogo komiteta spaseniya revolyutsii (Barnaul)*, 1917. Nov. 17. (In Russian)
40. *Izvestiya Altaiskogo gubernskogo komiteta spaseniya revolyutsii*, 1917. Nov. 18. (In Russian)
41. *Izvestiya Altaiskoi gubernii (Barnaul)*, 1917. Nov. 5. (In Russian)
42. *Izvestiya Altaiskoi gubernii*, 1917. Nov. 8. (In Russian)
43. Iroshnikov M. P. *Rozhdennoe Oktyabrem. Ocherki istorii stanovleniya Sovetskogo gosudarstva* [Born in October. Essays on the history of the formation of the Soviet state]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 255 p. (In Russian)
44. Kabytova N. N. *Vlast' i obshchestvo rossiiskoi provintsii v revolyutsii 1917 goda* [The power and society of the Russian province in the revolution of 1917]. Saratov, Saratov. un-t Publ., 2002. 324 p. (In Russian)
45. Kokoulin V. G. *Omsk v gody revolyutsii: vlast', politicheskaya bor'ba i povsednevnyaya zhizn' (fevral' 1917 — mai 1918 g.)* [Omsk during the Revolution: power, political struggle and everyday life (February 1917 — May 1918)]. Novosibirsk, 2016. 404 p. (In Russian)
46. Kononenko A. A. *Tyumen' na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1917—1921* [Tyumen at the crossroads: power and society in 1917—1921]. Tyumen, 2009. 224 p. (In Russian)

47. Kononenko A. A. *Tyumen' na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1917—1921. 2-e izd.* [Tyumen at the Crossroads: Power and Society in 1917—1921. 2nd ed.]. Tyumen, Tyumen. gos. un-t Publ., 2011. 280 p. (In Russian)
48. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917. Oct. 31. (In Russian)
49. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917. Nov. 7. (In Russian)
50. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917. Nov. 16. (In Russian)
51. *Krasnoyarskii rabochii*, 1917. Nov. 17. (In Russian)
52. *Krasnoyarskii Sovet. Mart 1917 g. — iyun' 1918 g. (Protokoly i postanovleniya s'ezdov Sovetov, plenumov, ispolkoma i otdelov): sb. dokumentov* [Krasnoyarsk Council. March 1917 — June 1918 (Minutes and resolutions of the congresses of Soviets, plenums, the executive committee and departments). A collection of documents]. Krasnoyarsk, 1960. 582 p. (In Russian)
53. Lavrov V. M. *"Krest'yanskii parlament" Rossii (Vserossiiskie s'ezdy Sovetov krest'yanskikh deputatov v 1917—1918 godakh)* ["Peasant Parliament" of Russia (All-Russia Congresses of Soviets of Peasant Deputies in 1917—1918)]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1996. 240 p. (In Russian)
54. Lavrov I. A. *Na rubezhe* [On the edge]. Harbin, M. V. Zaitsev Publ., (1938). 178 p. (In Russian)
55. Leonov S. V. *Rozhdenie sovetskoj imperii: gosudarstvo i ideologiya. 1917—1922 gg.* [The birth of the Soviet Empire: state and ideology. 1917—1922]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. 356 p. (In Russian)
56. Lepeshkin A. I. *Mestnye organy vlasti Sovetskogo gosudarstva (1917—1920)* [Local authorities of the Soviet state (1917—1920)]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 304 p. (In Russian)
57. Moskovkin V. V. *Protivoborstvo politicheskikh sil na Urale i v Zapadnoi Sibiri v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny (1917—1921 gg.)* [Confrontation of political forces in the Urals and Western Siberia during the revolution and Civil War (1917—1921)]. Tyumen, Tyumen. gos. un-t Publ., 2018. 292 p. (In Russian)
58. Novgorodov A. I. *Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Yakutii* [October Socialist Revolution and the Civil War in Yakutia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1969. 399 p. (In Russian)
59. Novikov P. A. *Grazhdanskaya voyna v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 415 p. (In Russian)
60. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii v 1880—1919 gg.: v 3 t. T. 2, ch. 2: Sentyabr' 1917 — mai 1918 g.* [Socio-political life of the Tomsk province in 1880—1919. In 3 vols. Vol. 2, part 2: Sept. 1917 — May 1918]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 2013. 384 p. (In Russian)
61. Ozernykh P. *Vlast' bol'shevikov v Krasnoyarske* [Bolshevik power in Krasnoyarsk]. *Narodnoe delo. Krasnoyarsk*, 1917, no. 24—25, pp. 5—7. (In Russian)
62. *Omsk v dni Oktyabrya i ustanovleniya Sovetskoi vlasti (1917—1919 gg.): sb. dokumental'nykh materialov* [Omsk in the days of October and the establishment of Soviet power (1917—1919). A collection of documentary materials]. Omsk, OGIZ Publ., 1947. 240 p. (In Russian)
63. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 28. (In Russian)
64. *Omskii vestnik*, 1917. Oct. 29. (In Russian)
65. *Omskii vestnik*, 1917. Nov. 1. (In Russian)
66. *Ocherki istorii goroda Omska. T. 2: Omsk, XX vek* [Essays on the history of the city of Omsk. Vol. 2: Omsk, XX century]. Omsk, OmGU Publ., 2003. 398 p. (In Russian)
67. Pavlova I. V., Poznanskii V. S. *Pervye istoriki Oktyabr'skoi revolyutsii i grazhdanskoi voiny v Sibiri: bibliograficheskii ukazatel'* [The first historians of the October Revolution and the Civil War in Siberia: a bibliographic index]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 104 p. (In Russian)
68. *Pervoe sovetskoe pravitel'stvo. Oktyabr' 1917 — iyul' 1918* [The first Soviet government. October 1917 — July 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 461 p. (In Russian)
69. *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri. Ch. 1* [Victory of the Great October Revolution in Siberia. Part 1]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1987. 256 p. (In Russian)
70. *Pobeda Velikogo Oktyabrya v Sibiri. Ch. 2* [Victory of the Great October Revolution in Siberia. Part 2]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1987. 319 p. (In Russian)
71. Pozdnyakov A. *Oktyabr' (chto ya pomnyu)* [October (what I remember)]. *Izvestiya Eniseiskogo gubernskogo komiteta RKP (bol'shev[jikov])* [News of the Yenisei Provincial Committee of the RCP (Bolsheviks)]. Krasnoyarsk, 1922, no. 8, pp. 33—37. (In Russian)
72. *Protokol tret'ego Zapadno-Sibirskogo s'ezda krest'yanskikh deputatov ot 17—24 yanvarya s.s. 1918 g.* [Protocol of the Third West Siberian Congress of Peasants' Deputies, Jan. 17—24, 1918]. Omsk, 1918. 101 p. (In Russian)
73. *Protokoly zasedanii 3-go Zapadno-Sibirskogo s'ezda Sovetov soldatskikh i rabochikh deputatov 2—10/XII 1917* [Minutes of the meetings of the 3rd West Siberian Congress of Soviets of Soldiers' and Workers' Deputies on December 2—10, 1917]. Omsk, Izd. 3-go Sib[irskogo] Oblastnogo Komiteta Publ., 1917. 68 p. (In Russian)
74. *Put' naroda (Tomsk)*, 1917. Oct. 27. (In Russian)
75. *Put' naroda*, 1917. Oct. 28. (In Russian)

76. *Raboche-krest'yanskaya gazeta (Krasnoyarsk)*, 1917. Nov. 30. (In Russian)
77. Razgon A. I. *VTsIK v pervye mesyatsy diktatury proletariata* [All-Russia Central Executive Committee in the first months of the proletariat dictatorship]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 335 p. (In Russian)
78. *Revolyutsionnaya mysl' (Omsk)*, 1917. Oct. 27. (In Russian)
79. Orlov M. O., Ivanov A. V., Rozhkov V. P. [et al.] *Rossiya v 1917 godu: institutsional'nyi resurs, sotsial'nye riski i tsivilizatsionnyi kollaps* [Russia in 1917: institutional resource, social risks and civilizational collapse]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2017. 860 p. (In Russian)
80. Sapon V. P. *Nizhegorodskaya guberniya v 1916—1917 gg.: ot "fevralizma" k bol'shevizmu* [Nizhny Novgorod province in 1916—1917: from "Februaryism" to Bolshevism]. Nizhnii Novgorod, 2017. 310 p. (In Russian)
81. Safronov V. P. *Oktyabr' v Sibiri. Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii (fevral' 1917 — mart 1918 g.)* [October in Siberia. Bolsheviks of Siberia in the struggle for the victory of the Great October Socialist Revolution (February 1917 — March 1918)]. Krasnoyarsk, Kn. izd-vo Publ., 1962. 723 p. (In Russian)
82. *Svobodnaya Sibir' (Krasnoyarsk)*, 1917. Nov. 5. (In Russian)
83. *Svobodnyi krai (Irkutsk)*, 1917. Oct. 27. (In Russian)
84. *Svobodnyi krai*, 1917. Oct. 31. (In Russian)
85. *Svobodnyi krai*, 1917. Nov. 1. (In Russian)
86. *Svobodnyi krai*, 1917. Nov. 3. (In Russian)
87. *Sibirskaya zhizn' (Tomsk)*, 1917. Oct. 27. (In Russian)
88. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. Oct. 28. (In Russian)
89. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. Oct. 29. (In Russian)
90. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. Oct. 31. (In Russian)
91. *Sibirskaya zhizn'*, 1917. Nov. 5. (In Russian)
92. Sokolova V. P., Zhdanova M. L. *Sibir' v period Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii, inostranoi voennoi interventsii i grazhdanskoi voiny (mart 1917 — 1920 g.): bibliograf. ukazatel'* [Siberia during the Great October Socialist Revolution, foreign military intervention and Civil War (March 1917 — 1920). Bibliography index]. Novosibirsk, 1973. 334 p. (In Russian)
93. *Sibiryak-krest'yanin (Barnaul)*, 1918. Jan. 21. (In Russian)
94. *Sovety v pervyi god proletarskoi diktatury. Oktyabr' 1917 g. — noyabr' 1918 g.* [Soviets in the first year of the proletarian dictatorship. October 1917 — November 1918]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 419 p. (In Russian)
95. Sokolov V. *Oktyabr' za Baikalom. (Yanvar' — fevral' 1918 g.)* [October beyond Baikal. (January — February 1918)]. *Proletarskaya revolyutsiya. Istoricheskii zhurnal Istparta* [Proletarian Revolution. 'Istpart' Historical Journal]. Moscow, Petrograd, 1922, no. 10, pp. 154—158. (In Russian)
96. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Zabaikal'skoi oblasti (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social-class, political, religious, national organizations in the Trans-Baikal region (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomsk gos. un-t Publ., 1991. 204 p. (In Russian)
97. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Altaiskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social-class, political, religious, national organizations in the Altai province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomsk gos. un-t Publ., 1992. 130 p. (In Russian)
98. *Tobol'skii rabochii (Tobol'sk)*, 1918. March 26 (13). (In Russian)
99. *Tomskaya oblast'. Istoricheskii ocherk* [Tomsk region. Historical essay]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1994. 656 p. (In Russian)
100. Turunov A. N., Vegman V. D. *Revolyutsiya i grazhdanskaya voina v Sibiri: ukazatel' knig i zhurnal'nykh statei* [Revolution and Civil War in Siberia: Index of books and journal articles]. Novosibirsk, Sibkraizdat Publ., 1928. 136 p. (In Russian)
101. *1917. Groza nad Eniseem: Russkaya revolyutsiya v Eniseiskoi gubernii* [1917. Thunderstorm over the Yenisei: Russian revolution in the Yenisei province]. Krasnoyarsk, Polikor Publ., 2017. 447 p. (In Russian)
102. Chernyak E. I. *Revolyutsiya v Sibiri: s"ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"edinenii i organizatsii (mart 1917 — noyabr' 1918 goda)* [Revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 — November 1918)]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 2001. 238 p. (In Russian)
103. Chernyak E. I. *Eserovskie organizatsii v Sibiri v 1917 — nachale 1918 g. (K istorii bankrotstva partii)* [Social Revolutionary organizations in Siberia in 1917 — early 1918 (On the history of the bankruptcy of the party)]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1987. 166 p. (In Russian)

104. Sheinfel'd M. Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Kanske, Achinske, Minusinske i Eniseiske [The establishment of Soviet power in Kansk, Achinsk, Minusinsk and Yeniseisk]. *Za vlast' Sovetov: sb. statei, napechatannykh v gazete "Krasnoyarskii rabochii" k 40-letiyu Velikogo Oktyabrya* [For the power of the Soviets. Collect. of articles published in the newspaper "Krasnoyarsk worker" for the 40th anniversary of the Great October Revolution]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. Rabochii Publ., 1958, pp. 224—239. (In Russian)
105. Shekshhev A. P. *Vlast' i krest'yanstvo: nachalo grazhdanskoj voiny na Enisee (oktyabr' 1917 — konets 1918 g.)* [Power and the peasantry: the beginning of the Civil War on the Yenisei (October 1917 — the end of 1918)]. Abakan. Khakass. gos. un-t im. N. F. Katanova Publ., 2007. 156 p. (In Russian)
106. Shilovskii M. V. *Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917—1920 gg.* [Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917—1920]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2003. 428 p. (In Russian)
107. Shishkin V. A. *Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevoljucionnaya Rossiya (1917—1928 gg.)* [Power. Politics. Economy. Post-revolutionary Russia (1917—1928)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 399 p. (In Russian)
108. Shishkin V. I. Obshchestvennaya i gosudarstvennaya deyatelnost' A. M. Okorokova (1917 — konets 1920-kh godov) [The public and state activity of A. M. Okorokov (1917—1920)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija, filologija — Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, is. 1, pp. 65—77. (In Russian)
109. Shishkin V. I. Sovetskoe stroitel'stvo v sibirskoj derevne v oktyabre 1917 — mae 1918 g. [Soviet construction in the Siberian village in October 1917 — May 1918]. *Lenin, Oktyabr' i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie kraja* [Lenin, October and the socio-economic development of the region]. Krasnoyarsk, 1987, is. 3, pp. 36—40. (In Russian)
110. Shornikov M. M. *Bol'sheviki Sibiri v bor'be za pobedu Oktyabr'skoj revolyutsii* [Bolsheviks of Siberia in the struggle for the victory of the October Revolution]. Novosibirsk, 1963. 647 p. (In Russian)
111. Shubin A. V. *Start strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 — mart 1918* [Start of the country of the Soviets. Revolution. October 1917 — March 1918]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 448 p. (In Russian)
112. Shumyatskii B. *Sibir' na putyakh k Oktyabryu* [Siberia on the way to October]. Moscow, Gosizdat Publ., 1927. 126 p. (In Russian)
113. *Entsiklopediya goroda Omska: v 3 t. T. 1: Omsk ot proshlogo k nastoyashchemu (period s 1716-go po 2008 god)* [Encyclopedia of the city of Omsk. In 3 vols. Vol. 1: Omsk from past to present (period from 1716 to 2008)]. Omsk, Leo Publ., 2009. 919 p. (In Russian)